

УДК 316; 340



ПРАВО КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ СИЛЫ

Иванников Иван Андреевич

Доктор юридических наук, доктор
политических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: Weide02@ gmail.com

RIGHT AS AN EXPRESSION OF POWER

Ivannikov Ivan A.

Doctor of Juridical Sciences,
Doctor of Political Sciences,
Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: Weide02@gmail.com

На основе суждений известных отечественных юристов дается понимание сущности права как выражения социальной силы в конкретно-исторических условиях, как инструмента в руках государственной власти для ограничения свободы управляемого ею общества, отдельных его индивидов. Показано, что каждый индивид свободен не в меру равенства с кем-то, а в меру отношения к власти.

Ключевые слова: право и сила, справедливость и власть, философия права.

On the basis of opinions given by renowned domestic legal, the understanding of the essence of law as an expression of social forces in the concrete historical conditions as a tool of state authorities to restrict freedom of the society, its separate individuals is given. It is shown that every individual is free not to the extent of equality with someone, but to the extent of the relationship to the government.

Keywords: right and the power, justice and power, philosophy of law.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы доказать, что право есть форма выражения силы или воля социальной силы, закрепленная в правовой форме и используемая властью в качестве инструмента при регулировании общественных отношений. Вопрос о связи права с властью не вызывает сомнения. Власть в государстве прибегает в случае необходимости к насилию, т. е. использует силу. Л.Н. Толстой в 1909 г. писал, что если рассуждать по здравому смыслу, то право можно определить с двух позиций: с позиций человека, у которого сила, и с позиций человека, у которого нет ни силы, ни власти. Так, государ-

ственное право он назвал правом «отбирать у людей произведения их труда, послать их на убийства, называемые войнами, а для тех, у кого отбирают произведения их труда и которых посылают на войны, право пользоваться теми произведениями своего труда, которые еще не отобраны от них, и не идти на войны до тех пор, пока их не посылают». Гражданское право «есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землею и капиталами. Уголовное право есть право одних людей ссылать, заточать, вешать всех тех людей, которых они считают нужным ссылать, заточать, вешать; для людей же ссылаемых, заточаемых и вешаемых есть право не быть изгнанными, заключенными, повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным. То же самое и по международному праву: это право Польши, Индии, Боснии и Герцеговины жить независимо от чужих властей, но только до тех пор, пока люди, распоряжающиеся большими количествами войска, не решат иначе. Так это ясно для всякого человека, думающего не по атрибутивно-императивным переживаниям, а по общему всем людям здравому смыслу. Для такого человека ясно, что то, что скрывается под словом “право”, есть не что иное, как только самое грубое оправдание тех насилий, которые совершаются одними людьми над другими» [7, с. 47–48].

И.А. Ильин отмечал, что вопрос о соотношении права и силы заслуживает со стороны юриста особого внимания по целому ряду теоретических и практических оснований, а сами «понятия права и силы принадлежат к числу самых трудных и сложных в истории научной мысли вообще. Сказать что-нибудь исчерпывающее об этих понятиях является до сих пор делом недостижимой трудности, и может вообще показаться, что проблема их соотношения должна быть отнесена к числу так называемых “проклятых” проблем» [2, с. 8]. Он не исследовал право с точки зрения методологии. Все юридические понятия не должны, по мнению И.А. Ильина, определяться через признак силы, а поэтому и право – это норма и суждение, но не сила.

На протяжении семидесяти лет в СССР господствовал классовый подход к пониманию сущности права, изложенный в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и их последователей. К. Маркс и Ф. Энгельс в своё время справедливо и точно подметили, что в период капитализма буржуазное право – это «возведённая в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными усло-

виями жизни вашего класса» [5, с. 443]. В постсоветской юридической науке право стали рассматривать не как орудие господствующих классов, однако, по нашему мнению, населения страны, как надклассовое явление, при этом само население никак не влияло на законотворчество. Сущность права тесно связана с социальным назначением того или иного класса, с потребностью в нём определённой социальной общности.

В праве переплетены классовый, общесоциальный, религиозный, национальный и другие аспекты. Идеологической основой всей правовой системы могут быть идея пользы и идея справедливости.

Исходя из плюралистического (широкого) подхода, право – это мера свободы личности с учётом свободной воли, свободного выбора, соотношения интересов разных видов и т. д. В последние годы некоторые авторы высказывают мнение, что история и теория правовой мысли пронизаны борьбой двух противоположных типов правопонимания. В.С. Нерсесянц, к примеру, один тип понимания права условно назвал легистским (от *lex* – «закон»), а другой – юридическим (от *jus* – «право»). Согласно *легистскому подходу*, право – это продукт государства (государственной власти), принудительно-властное установление. Согласно *юридическому подходу*, право – это объективное, независящее от воли, усмотрения или произвола законоустанавливающей (государственной) власти, т. е. определённое, отличное от других, социальное явление (особый специальный регулятор и т. д.) со своей объективной природой и спецификой, сущностью, отличительными принципами и т. д. Юридическое правопонимание В.С. Нерсесянц считал антилегистским. В нём он выделял две теории: естественного права и либертарно-юридическую (исходящую из различения права и закона, где право – не естественное право, а принцип формального равенства). В контексте различения права и закона в понятие права входит справедливость, и поэтому право по определению справедливо. Во многих государствах мира, как правило, существует дефицит социальной справедливости, правды и нравственности. Действовать по справедливости – значит действовать правомерно, соответственно всеобщим и равным требованиям права. «Какого-либо другого принципа, кроме правового, справедливость не имеет», – полагал В.С. Нерсесянц [6, с. 27]. Он отрицал иные аспекты и формы справедливости – нравственную, религиозную, политическую, экономическую и др., так как в них нет всеобщего и равного для всех интереса, а доминируют частный интерес, партикулярные притязания. Что касается социальной справедливости, то она, писал В.С. Нерсесянц, «может как соответ-

ствовать праву, так и отрицать его» [6, с. 28]. Ценность права в либертарно-юридической теории заключается в том, что в его основу положен принцип формального равенства в его юридическом понимании. По мнению В.С. Нерсисянца, цель права – сделать закон (позитивное право) и государство правовыми. Независимые субъекты имеют свободную волю. «Люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы» [6, с. 22].

Таким образом, в либертарно-юридической теории под сущностью права подразумевают нормативно закреплённое формальное равенство. Но если это и закреплено в законе, то ещё не значит, что он реализуется на практике в деятельности государственных органов, но в этом случае хотя бы есть основание утверждать, что право справедливо. С точки зрения сторонников либертарно-юридического подхода, право не может быть несправедливым. Право в своей сущности есть выраженная и обеспеченная государством сбалансированная воля общества, устанавливающая в форме общеобязательных предписаний меры свободного поведения человека в типичных, социально значимых отношениях.

Как социальное явление, право не исчерпывается формальными характеристиками. Как общественный инструмент, право имеет глубокие корни в культуре людей, их традициях, фольклоре, национальной психологии. Кроме того, феномен права связан с такими фундаментальными понятиями, как «гуманизм», «права человека», «социальная справедливость», которые неоднозначно трактуются наукой даже в рамках одной эпохи и тем более в различные эпохи, в различных обществах и культурах.

Представления о праве, его сущности, ценности, способах реализации могут быть как общими, так и конкретно-историческими. Право всегда есть ограничитель свободы индивидов и социальных групп.

На формирование права каждой страны оказывают влияние состояние и уровень развития экономики. Поэтому любое абстрактное определение права будет неполным, относительным.

Вызывает возражение тезис В.С. Нерсисянца о том, что справедливость входит в понятие права. Общество в целом желает, чтобы в государстве господствовала социальная справедливость, закрепляемая в праве – в нормативно-правовых актах, юридических прецедентах, правовых обычаях и нормативно-правовых договорах. Законодатели заинтересованы в том, чтобы созданное ими право воспринималось как справедливое. Однако во властных структурах оказываются люди,

которые причастны к правотворчеству и закрепляют в законах свои представления о правопорядке, ограничивают правом свободу других.

Социальная справедливость является основой, началом, точкой отсчёта для построения гуманного государства (правового, социального, демократического) и невозможна без демократии. Необходимо участие народа в правотворческой деятельности, в предварительном обсуждении законов и принятии их на референдуме. Идея социальной справедливости востребована обществом во всех государствах.

Несоответствие законов социальной справедливости потребностям общества приводит к их неисполнению, прямому нарушению, росту правового нигилизма. Если принцип справедливости не пронизывает устои общественного и политического строя государства, то в стране не будет должного общественного порядка, правопорядка и законности. Дефицит справедливости в обществе порождает политическую нестабильность, падение нравов, рост преступности, акции неповиновения правительству, которые могут перерасти в восстания, гражданскую войну.

В современной России законы, исходящие от государственной власти, воспринимаются в обществе неоднозначно, а зачастую как несправедливые. Действующее в России законодательство часто не соответствует уровню развития общества и не опирается на общепринятые в нём понятия о социальной справедливости. Как верно отметил В.В. Лунеев, это есть вечная *«трагедия юридической науки: уродливые криминологические сведения убивают красивые, но плохо разработанные правовые гипотезы»* (выделено В.В. Лунеевым. – *И.И.*)... Высокая ценность истории и теории права связана с тем, насколько они объективно отражают жизненные реалии и разрабатывают важнейшие юридические проблемы прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего» [4, с. 110].

Чем вызван дефицит справедливости в современном российском обществе? Прежде всего, несправедливостью в сфере экономики. В 1990-е гг. несправедливо была приватизирована собственность. Основоположники российской приватизации не только незаконно и несправедливо обогатились, но и нарушили свои обещания народу. Они проникли во властные структуры, в том числе в законодательные органы власти, стали причастны к созданию законов, которые не соответствуют социальной справедливости и потребностям общества, что приводит к их неисполнению или ненадлежащему исполнению. Теория права на этот процесс отреагировала абстрактными, романтическими теориями.

Если в древности одна сторона наносила ущерб другой, т. е. нарушалась справедливость, то её восстанавливали нанесением обидчику адекватного ущерба. Так возник закон талиона, обычай кровной мести и т. п. В государственно-организованном обществе восстанавливать справедливость стало прерогативой государства. Если оно не вершит правосудие, то возникает самосуд.

Социальная справедливость – это реализованное коллективное суждение различных классов, слоёв, групп людей, наций о должном, о желаемом, содержащее наиболее распространённую оценку реальных общественных отношений, действующих социальных норм и практики их реализации. В её составе можно выделить социально-экономическую, политическую и юридическую справедливость. Сегодня бедная часть населения России испытывает чувство возмущения против вопиющего нарушения норм социальной справедливости. Те, кто не имеет возможности выразить своё мнение и активно участвовать в легальной политике, могут прибегнуть к экстремизму.

Противоречия между социальной справедливостью и необеспеченностью безопасности являются серьёзным препятствием к установлению в России правового и социального государства. Правовой статус субъектов Российской Федерации должен быть осмыслен сотрудниками высших органов государственной власти с тем, чтобы найти компромиссы, обеспечить справедливое положение их населения. Уравнивание правового статуса субъектов Российской Федерации приведёт к легитимации государственной власти в них.

Право в принципе не может быть справедливым, если выражает интересы только властвующих субъектов, обусловленные их материальным положением. Относительность реализации принципа справедливости права зависит от того, насколько оно выражает интересы подавляющего числа граждан. В ряде стран Европы и в США выработаны механизмы регулирования социального неравенства через бюджет, налоги, специальные фонды перераспределения денежных средств в пользу социально незащищённых слоёв общества, многодетных семей и т. д.

Для права всегда будут характерны следующие особенности:

- оно будет выражать волю сильных (большинства общества (это в идеале), класса, нации, расы, политической партии, господствующей конфессии и т. д.);
- определять меру свободы индивидов и социальных групп;
- упорядочивать общественные отношения, устанавливая определённый правопорядок.

Итак, право – это воля социальной силы в конкретно-исторический период, обусловленная экономическими, политическими, моральными, религиозными устоями, выражающая собой систему общеобязательных, формально определённых норм, установленных (санкционированных) и охраняемых государством или международными организациями и регулирующих общественные отношения. При этом само право есть инструмент в руках государственной власти для ограничения свободы управляемого им взаимодействия людей. Каждый индивид свободен не в меру равенства с кем-то, а в меру отношения к власти. Стоит согласиться с И.А. Ильиным, что в условиях плюрализма может быть много определений права, но «ни одно из этих определений не может быть и не должно претендовать на исключительность. Все они вместе и только сообща могут притязать на исчерпывающее постижение сущности права» [2, с. 10].

Право и сила являются атрибутами любого государственно-организованного общества. Правопорядок в обществе – это, как правило, результат действия права, а право есть средство принуждения.

Право эффективно лишь тогда, когда опирается на силу. Это не исключает добровольного соблюдения договоров и иных норм права.

Как соотносятся право и сила? По своему происхождению сила предшествует праву или право предшествует силе? Любое право – это результат закрепления социальной воли. Любое государство – это прежде всего организованная социальная сила. Г.К. Гинс писал, что «сила создаёт право, сила поддерживает право, существующее право в действительности лишь проявление силы» [1, с. 2].

В период политических кризисов субъекты государственной власти часто нарушают ими же созданное право, чтобы сохранить свою власть. «Когда общественными взаимоотношениями руководит сила, то... культуру вытесняет стихия» [1, с. 42]. Борьба политических сил заканчивается победой одной из них и закрепляется в праве. Яркие тому примеры – подавление противников режима в Москве 3–4 октября 1993 г., захват государственной власти оппозицией в Киеве в феврале 2014 г. Применение насилия всегда оправдывается, обосновывается великими целями. Если власть свергнута, то со временем отменяется и созданное ею право. Так, Верховная рада Украины отменила законы, принятые при президенте В. Януковиче. Прежнее право уступает место праву новой силы и новой власти. Тот, у кого власть, желает, чтобы его воля, его интерес были закреплены в праве. В реальной жизни каждый свободен в меру своей силы, а не в меру равенства.

Поэтому полностью можно согласиться с выводом В.В. Лунеева: «Если правовая необходимость народом и властями не совсем познана, не измерена, не учитываема и реально не решается, то мы продолжаем жить в “свободе дикой природы”, где каждая земная тварь “абсолютно свободна”, но лишь до тех пор, пока другая, тоже “абсолютно свободная”, но более сильная тварь не проглотит ее. То же вершится и на международной арене» (выделено В.В. Лунеевым. – *И.И.*) [4, с. 111]. Говоря о реальном праве народа, В.В. Лунеев отмечает, что *«познанная необходимость в праве – это научно выверенные законы, принятые демократическим путём. А если законы пишутся чиновниками... то мы живем в порочной необходимости»* (выделено В.В. Лунеевым. – *И.И.*) [4, с. 112]. Россия, отмечает В.В. Лунеев, – единственная страна в мире, где «нет конфискации имущества у экономических преступников, нет ответственности за незаконное обогащение, нет не только экономического и социального равенства, которое недостижимо, но может быть минимизировано, но у нас нет даже и возможного и остро необходимого правового равенства...» [4, с. 114].

Российское общество ждет от субъектов законодательной инициативы таких законопроектов, которые улучшили бы качество и уровень жизни большинства граждан. А это возможно при закреплении в законах социальной справедливости. Справедливое право и сила власти положительно влияют на поведение людей. Где этого нет, там чаще сила господствует в обществе. Больше получают свои. Совсем иначе эти отношения развиваются там, где налицо сформировавшаяся культура толерантности, интернационализм. Здесь всё большую роль играет право, учитывающее интересы большинства. Высокий уровень культуры общества и властвующих субъектов снижает проявление силы и способствует проявлению права.

Кто законодатель в современной России? Чьи интересы он закрепляет в законах? В законах в большей степени не отражены интересы российского народа. Право не выражает волю и интересы большинства народа, если законы принимаются не на референдуме при участии более 50 % лиц, имеющих право голоса. Чтобы не допустить ошибки или подмены согласованной воли народа волей консолидированной бюрократии или класса (нации), следует принимать важнейшие законы на референдуме, как в Швейцарии, решать важнейшие вопросы так, как это было на референдуме 16 марта 2014 г. в Крыму, 11 мая 2014 г. в Луганской и Донецкой народных республиках.

Литература

1. Гинс Г.К. Право и сила. М., 1929. 112 с.
2. Ильин И.А. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) // Ильин И.А. Собр. соч. Т. 4. М., 1994. 508 с.
3. Ленин В.И. Полное собр. соч. Т. 12. Октябрь 1905 – апрель 1906.
4. Лунеев В.В. Соотношение криминальных реалий и теорий права в России (доклад на конференции «Актуальные аспекты анализа и обобщения современного правоведения») // Государство и право. 2015. № 4. С. 110–114.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4.
6. Нерсесянц В.С. Юридическая аксиология // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000. 256 с.
7. Толстой Л.Н. Письмо студенту о праве // Толстой Л.Н. Полное собр. соч. Т. 38. М., 1936. С. 45–65.

References

1. Gins G.K. Pravo i sila. M., 1929. 112 s.
2. Il'in I.A. Ponyatija prava i sily (Opyt metodologicheskogo analiza) // Il'in I.A. Sobr. soch. T. 4. M., 1994. 508 s.
3. Lenin V.I. Polnoe sobr. soch. T. 12. Oktjabr' 1905 – aprel' 1906.
4. Luneev V.V. Sootnoshenie kriminal'nyh realiyy i teorij prava v Rossii (doklad na konferencii "Aktual'nye aspekty analiza i obobshheniya sovremennogo pravovedeniya") // Gosudarstvo i pravo. 2015. № 4. S. 110–114.
5. Marks K., Engel's F. Manifest Kommunisticheskoy partii // Marks K. i Jengel's F. Soch. Izd. 2-e. T. 4.
6. Nerseyjanc V.S. Juridicheskaya aksiologiya // Politiko-pravovye cennosti: istoriya i sovremennost'. M., 2000. 256 s.
7. Tolstoj L.N. Pis'mo studentu o prave // Tolstoj L.N. Polnoe sobr. soch. T. 38. M., 1936. S. 45–65.